

Театр и искусство.

Комиссаржевская в современности.

М. Известия. (Пятнадцать лет со дня смерти В. Ф.).

10 февраля (ст. стиля) 1910 г. умерла В. Ф. Комиссаржевская. Эта дата как бы ставит точку над сложной и запутанной полосой в истории русского сценического творчества, до дна исчерпанной Верой Федоровной. Она прошла длинный и трудный путь исканий—от подмостков провинциальной Вильны к любительским спектаклям «Общества искусства и литературы» в Москве,—от первых натуралистических опытов Станиславского к пышному «императорскому» театру,—от «Александринок» к собственной сцене, на которой утверждались те самые «новые формы», по которым тосковал «декадент» Трешлев.

И это не случайно, что именно Комиссаржевская создала образ чеховской «Чайки»—мятущейся и скорбной Нины Заречной. В иных линиях, более глубоких, но и более трагических, сложилась и ее личная художественная судьба, отмеченная ряд горьких обид, несколько ярких выпышек шумного успеха и неизмеримое число больно ранящих сердце разочарований.

Она принесла русскому театру доселе небывалое: лирическую повесть, всю сотканную из полутонов и всю насыщенную интимной душевной драмой. Играя Кларкен или Беатрису, Мариетку или Ларису, Комиссаржевская играла свою собственную жизнь. Индивидуализм Ибсена и мистичность Метерлинка были ей сродни: она сама была в плену тех анархических устремлений, которые выражала Гильда в «Строителе Сольнеса», и тех религиозных исканий, которыми опра-

вдывала существование Сестры Беатрисы.

Комиссаржевская выражала то веяние, которое носилось в русском искусстве, свои вдохновения черпавшем в символизме, столь полно раскрывшем упадничество пресыщенной и утонченной буржуазии.

Но ни декадентство дней ее сценической молодости, ни символизм годов ее содружества с Мейерхольдом,—ничто не давало ей удовлетворения. Бессильная «сделать что-нибудь большое»,—как говорила она о себе,—Комиссаржевская «жгла себя с двух концов» и за месяц до смерти оторвалась от театра. Ее путь был пройден до конца.

Эпоха, веяние которой она выражала, близилась к концу: Комиссаржевская умерла в ее вечерние сумерки. Затем наступила ночь,—культура вырождавшегося класса, блестящим выражением театрального искусства которого была Комиссаржевская, распалась. После 1917 года занялся новый день.

И невозможно представить Комиссаржевскую в современности. Она, интимно-лирическая, в мастерстве своем утверждавшая блеклость полутонов и грусть эстетического заката, была бы чужда нашим дням—их бурному духу.

«Неси свой крест до конца и терпи»,—эти слова чеховской «Чайки» были любимым девизом Комиссаржевской. В наш трудный и чудесный век борьбы они прозвучали, как несвоевременная трагическая безнадежность.

ЮРИЙ СОБОЛЕВ.